

Бывшую жену Борис называет Морской Свинкой.

— Почему? — спрашивает Инна.

— Это животное вовсе не свинка, к отряду грызунов относится и плавать не умеет. В середине шестнадцатого века зверьков привезли в Европу из Америки. Оказалось, что их мясо по вкусу похоже на молочного поросёнка, поэтому — свинка. Морская, потому что из-за моря.

— Какое это имеет отношение к твоей бывшей? — продолжает недоумевать Инна.

— Она с первого взгляда ласковая, пушистая. Глазки наивные, ручки трогательно маленькие, голосок тоненький, взор беспомощный.

— А на самом деле?

— На самом деле — тупой грызун, грызуниха, — поправился Борис. — У нее вечно зу-

дят клыки, пилит и пилит. Насмотрелась телевизора, начиталась пошлых журналов и отчаянно завидует другим самкам, которые продали свою внешность за более дорогие квартиры, дачи, машины, бриллианты. Я не мог водить Свинку каждую неделю в клуб, где столик пять тысяч евро стоит, — значит, загубил её жизнь.

— Печально.

— Ты ведь тоже разошлась с мужем?

— Да, — вздохнула Инна.

— И к какому биологическому виду относился твой супруг? Из пресмыкающихся?

«Борис всегда любил животных, — вспомнила Инна. — Постоянно тащил в дом всякую живность, пропадал на станции юных натуралистов, при которой был маленький зверинец. Биологом, правда, не стал».

— Мой экс-супруг, — включилась Инна в игру, — тоже грызун. Постоянно точил мне душу, сообщая, что Маня-Галя-Варя-Наташа и далее по списку лучше меня готовят, одеваются, выглядят. При этом он — собака, пёс гуляющий. Как выяснилось, с прелестями Мань и Варь предметно знакомился. Такого животного в природе нет.

Борис задумался: почесал затылок, дёрнул себя за ухо, потёр нос... «Он и в детстве, —

опять вспомнила Инна, — когда размышлял о чем-то, теребил пальцами лицо: то нос потрёт, то в ухе пальцем ковыряет, то чуб закручивает...»

— Есть! — воскликнул Борис. — Есть такое животное. Отряд грызунов, семейство, кажется, беличьих. Луговая собачка. Внешне похожа на жёлтого суслика. Обитает в центральных и южных районах Северной Америки. Назвали собачкой, потому что издаёт лающие звуки. Кстати, природный переносчик чумы.

— Насчёт чумы — верно, — улыбнулась Инна. — Тебе и мне повезло, в кавычках, с грызунами. Хочешь ещё чаю?

Они сидели на кухне у Инны. Квартира Бориса — напротив, через лестничную площадку.

* * *

Их родители дружили и часто маленьких Инну и Бориса, когда уходили вечером в кино или в гости, оставляли в одной из квартир. Борис на три года старше, поэтому командовал и заставлял Инну играть в войну, изображать диверсанта, прятаться в шкафу. Из оружия выдавал только маленький пистолет, а сам обвешивался ружьями и автоматами

с головы до ног. Поиграть в дочки-матери его не удавалось заставить даже с помощью громкого рёва. Плачущую Инну Боря запирали в ванной: ори, пока не поймёшь, что глупые куклы не могут сравниться с казаками-разбойниками.

Только однажды Инна уговорила Бориса изображать королевский двор. Инна нарядилась в длинную, с оборками, юбку Бориной мамы, получилось — до пола, как у настоящей принцессы. Босоножки на шпильках надела. Велики, понятно, но зато каблук цокают так прекрасно! На голову Инна водрузила гипюровую белую штору (в стопочке чистого белья нашла). Принцесса без фаты — это не королева. Борька сопротивлялся: принцы ходили в идиотских коротких раздутых штанах, — но потом согласился. Чтобы создать объем, натолкали ему в папины шорты пластиковые пакеты, которые Бориная мама складировала в отдельном ящичке кухонного стола. В качестве короны «принц» использовал металлическое сито. И ещё требовал не то скипдр, не то скидепер. Короче — у царей в руках эта штука всегда должна быть. За скипетр сошёл веник на длинной ручке.

— Чего делать надо? — спросил Борька, когда нарядились.

Инна точно не знала. Но ответила гордо (гордость — основная характеристика принцесс):

— Прохаживаемся.

Несколько минут они прохаживались по небольшой квартире: прекрасная принцесса с заплетающимися каблуками, следом принц с веником. Инна рассматривала себя в зеркалах, в тёмных окнах, в стёклах мебели.

Инна себе очень нравилась, а Борис твердил безостановочно:

— А делать чего?

Только Инна сообразила, что следующим номером должны быть танцы, как пришли родители.

— Боря! — воскликнула его мама при виде сына, из штанов которого вываливались полиэтиленовые пакеты.

— Это всё Инка, — предательски пожаловался он. — «Ты принц, ты принц...»

— Инна, немедленно разуйся! — потребовала ее мама. — Сломаешь дорогую обувь.

До игры в самураев, ради которой Боря согласился быть принцем, дело так и не дошло.

Хотя их папы и мамы лелеяли надежду породниться, а во дворе Инну и Борю дразнили женихом и невестой, сами они никогда не

питали друг к другу иных чувств, кроме братско-сестринских. Три года разницы в возрасте — это непересекающиеся дворовые компании. Да и гуляли они редко: Инна в музыкальную школу ходила и на фигурное катание, Боря занимался самбо, а каждый свободный час проводил в зверинце. Мальчик Боря девочками не интересовался, считал их скучными плаксами. Девочка Инна смотрела на мальчишек как на источник хулиганства. Когда Боря вступил в пору интереса к противоположному полу, Инна, по малолетству, в круг его внимания не входила. Когда Инна созрела до мысли: не такие уж они хулиганы и с ними очень весело, Боря уже учился в Москве.

Под напором родителей, которые не видели в увлечении животными материальных перспектив, Борис поступил на экономический факультет престижного столичного вуза.

Приехал после зачисления. Сидели во дворе на скамеечке. Борька взрослый до невозможности, курит. Инна в девятый класс перешла. Хотя некоторые из сверстниц уже фигурами мадонны, Инна по-прежнему — щуплый галчонок.

— Зачем поступал-то, если не хочешь быть экономистом? — не понимает она.

— Предки настояли, во-первых, — выпустил столбом дым Боря. — И где-то они правы. Ну что биолог? В школе преподавать за три копейки? Или в ветеринары податься? Хотя есть чертовски интересная специальность — этология, наука, изучающая поведение животных в естественных условиях. Например, львы...

— А во-вторых? — перебила Инна, потому что про зверье Борька может говорить часами.

— Во-вторых, никто не верил, что пацан из провинции, без блата и связей, может поступить на этот факультет. Меня разобрало: неужели не возьму высоту? И разве москвичи из другого теста? Знаешь, как я занимался! Ты меня последний год видела? Правильно, не видела, потому что двадцать часов в сутки сидел за учебниками. Но ведь прорвался, — не без гордости заключил Борис.

Инну в то время уже интересовала психология. Удивительная наука, которая объясняет мотивы поступков человека, источники его проблем, классифицирует характеры и темпераменты. Но психология, как и биология, считалась не хлебной профессией. Где в их областном, но некрупном городе трудиться психологу? — справедливо спрашивали родители. Иное дело учитель музыки — только на частных уро-

ках можно небедно существовать. И вообще, профессия для женщины самая подходящая: интеллигентная плюс оставляет много времени для семьи.

Когда Боря выбросил окурок и сладко потянулся, Инне захотелось продемонстрировать знания, почерпнутые из книг по популярной психологии:

— Твоё гигантское честолюбие — замечательное качество. Не каждому дано. Как мощность двигателя: у одного — три лошадиных силы, у другого — триста. Вопрос, на что мощность расходуется. Ты бросился на высоту, которая тешит самолюбие, взял её, но при этом предал свою мечту.

Боря её слова всерьёз не воспринял. Инна не входила в список личностей, мнение которых интересовало Борю. Кроме того, заботили Борю в тот момент совершенно другие чувства.

Только насмешливо похвалил:

— Какие мы умные стали!

А потом спросил Инну, не уехала ли Танька из семнадцатой квартиры, видела ли Стёпку. Танька была известной распутницей, Стёпка — шалопаем и гулякой. В Стёпку влюблялись все девочки их двора, он умел рассмешить до икоты. Инна какое-то время тоже

тайно сохла по Стёпке, но к девятому классу поняла: Стёпка — весёлый пустоцвет.

Услышав, что Инна понятия не имеет о Таньке и Стёпке, Борис поднялся:

— Пока, соседка! Ух, красота! — снова потянулся, расправил плечи. — Имею право, заслужил, оттянуться по полной программе. В загул, в загул — и никаких сомнений. А ты, Инка, марш домой, природоведение и чистописание изучать.

Глядя ему в спину, Инна не испытывала терзаний, скорее — брезгливость. Какого рода загулу хотел предаться Борис, ясно: пиво, спиртное плюс девицы вроде Таньки из семнадцатой квартиры.

И в последующие годы их судьбы крутились на непересекающихся орбитах. Инна поступила в музыкальное училище. Борис, ещё студентом, занялся бизнесом, оказавшимся успешным и прибыльным. Университет Боря оканчивал совладельцем кирпичного завода в Подмосковье.

О выдающихся успехах Бори знали со слов его родителей, которые, понятно, гордились, но и слегка пугались стремительного обогащения сына.

Короткие встречи почти не сохранились в памяти. Боря на сутки приезжал к родителям, ко-

торые не знали, чем его ублажить, пичкали разносолами, будто сыночек в столице голодал. Инне не до застолий, надо мчаться на репетицию, у них показательный концерт в училище.

Быстрые диалоги при неожиданной встрече на лестничной площадке.

— Привет, ты как? — здоровается Боря.

— Отлично. Все хорошо, но никто не завидует. А ты?

— Аналогично. Но завистников приходится отстреливать.

— Серьёзно? — пугается Инна.

— Шучу, — успокаивает Борис. — Инка, ты, — он неопределённо вертит рукой с сигаретой, — сформировалась, похорошела.

Примитивный комплимент в сравнении с теми, что она слышит последнее время.

— Боря, хотелось бы поговорить, но...

— Ясен пень, торопишься?

— Не то слово — горю. Пока! Увидимся.

— Обязательно. Инка?

— Что?

— Блюда честь смолоду! — насмешливо грозил пальцем Боря.

— Спасибо, что напомнил.

Боря приезжал всё реже. Не каждые два месяца, а раз в полгода. Навезёт деликатесов,

осыплет подарками — и был таков. Звонил, конечно, регулярно.

Когда Борина мама тяжело захворала, а от него скрывали (как же: мальчик так занят!), Инна позвонила Борису в Москву:

— Привет, буржуй!

— Кто это?

— Дед Пихто!

— А по голосу — не дед, а, пардон, баба!

— Он ещё шутит. Это Инна. Ты, конечно, дико занят. Родители, что мои, что твои, плавятся: Боречка у нас лишний миллион в поте лица заколачивает.

— Инна? У вас проблемы?

— И у тебя, думаю. У твоей мамы очень плохо с сердцем. Лежит в больнице, врачи разводят руками: мол, возрастное. Глупости! Не верю. Пятьдесят лет — не девяносто. Наверняка можно вылечить. Но в нашу больницу со своими простынями, чашками, ложками и туалетной бумагой ложатся. Твою маму лечат аспирином, потому что других лекарств не имеется, а нам твердят: возрастное. Чего молчишь?

— Понял. Соображаю. Спасибо, что позвонила.

Боря несколько дней сидел на телефоне: связывал московских медицинских светил

с областными, которые докладывали результаты исследований и анализов, диагнозы озвучивали. Потом Борис приехал вместе со столичным профессором и мешком лекарств. В больнице был фурор. Даже губернатор, сопровождая московского гостя, прошёлся по скорбным госпитальным коридорам.

Борина мама резко пошла на поправку. Лекарства ей, конечно, помогли. Однако, с точки зрения Инны, главную скрипку сыграло бурное участие сына: он сражался за мамино здоровье с исступлением артиста, выступающего на главном концерте. (У Инны в ту пору все сравнения были исключительно музыкальными.)

— Дорого тебе обошлось? — не удержалась Инна от вопроса, когда все закончилось: профессор убыл в столицу, Борина мама вернулась домой.

— Новенький «мерседес», — ответил Борис. — Мечтал о навороченной тачке, откладывал. А сколько потерял за две недели отсутствия в бизнесе! Не сосчитать.

Хотя Боря ответил честно на её же вопрос, Инна не удержалась от упрёка:

— Мамино здоровье на «мерседесы» меряешь.

Борис посмотрел на нее, как смотрят на человека, который дилетантски судит о вещах

сложных, понимать не понимает, а мнение имеет.

Вздыхнул и попросил:

— Присмотри тут за ними, ладно?

Когда Борис собрался жениться, привёз невесту знакомить, Инна отсутствовала. В летнем детском лагере работала музыкальным преподавателем. В том же лагере главным воспитателем был Олег, её будущий муж. Их роман походил на отравление веселящим газом — постоянное радостно-возбуждённое настроение днём, фантастические свидания по ночам. Спали не больше двух часов, но энергия была ключом.

На свадьбу Бориса, в Москву, Инна не ездила. Две пары родителей отправились без неё. Олег вывихнул ногу, и забота о его правой нижней конечности казалась Инне важнее любых празднеств. И выбора не могло быть: пышное венчание в столице, банкет в дорогом ресторане или страдающий Олег, которому требовались то холодные, то горячие компрессы, то чаю, то коньяка, то борща, то поцелуев.

Отец Инны, вернувшись из Москвы, отозвался о свадьбе кратко:

— Богато гуляли.

Мама о невесте сказала:

— Миленькая.

Через полгода и у Инны была свадьба. Борю с женой пригласили, но они не приехали. Прислали щедрый подарок — тысячу долларов.

Так и получилось, что Инна в глаза не видела Бориной жены. Он практически перестал навещать родину. Его мама и папа теперь сами ездили в Москву летом, на две недели. Долго, целый год готовились, а возвращались не особо счастливые. И неизменно говорили о Бориной жене:

— Она миленькая.

«Миленькую» Инна не увидела, даже когда случилось несчастье: родители Бори погибли в автомобильной катастрофе. Приехал хоронить один. Чёрный от горя, со зримыми самоупрёками на лице: я так мало о них заботился — Боря не располагал к вопросам, которые вертелись у Инны на языке. Что за жена, которая не потрудилась проводить в последний путь родителей мужа?

Да и сам Боря не дождался поминок на девять дней:

— Не могу остаться. Вот деньги, пожалуйста, организуйте как следует... девять, сорок дней...

— Боря! — нахмурилась мама Инны. — Мы, конечно, организуем поминки. Но устанавли-
вать памятник на могиле...

— Через несколько месяцев, когда земля
осядет, — подхватил отец Инны. — Деньги-то
ты пришлѐшь, не сомневаемся...

— Но самому надо бы присутствовать, что-
бы по-людски, — тихо закончила мама Инны.

На установку памятника (самого роскош-
ного по их местным возможностям) Боря
приехал.

А через два года умер от инфаркта отец Ин-
ны. Борис выразил глубокое соболезнование...
по телефону. И прислал столько денег, что хва-
тило и на похороны, и на поминки, и на па-
мятник...

* * *

— Хочешь ещё чаю? — спросила Инна.

— Да, пожалуйста. Вкусный у тебя чай.
Нечто особое?

— Конечно, — разливала по чашкам Ин-
на. — Места, как ты помнишь, у нас грибные.
По весне отправляюсь на поиски галлюцино-
генных грибочков, ты сейчас от них удоволь-
ствие и получаешь.

— Серьёзно? — вытаращил глаза Боря.

Инна покачала головой:

— Всего лишь мята и зверобой. В Москве с чувством юмора плохо? Или тебя бизнес разучил шутки шутить?

— И то и другое. Плюс развод. Варфоломеевская ночь, помноженная на еврейский погром и возведённая в степень извержения Везувия на Помпеи. Я полысел даже, видишь? — Борис ладонью сдвинул волосы со лба.

— Ерунда, мелочь, совершенно незаметно. А вот у меня на фоне развода появилась экзема, — с изощрённым хвастовством поделилась Инна. — Живот, руки и ноги покрылись зудящими красными пятнами. Чесалась ночью и днём. Особенно привлекательно смотрелось на частных уроках: барабанит за немалую плату по клавишам ребёнок, а преподаватель то под кофту руку запускает — чешется, то локоть скребёт, то колено.

— Мощно, — оценил Борис. — Как прошло?

— Благодаря интеллекту.

— У женщин встречается интеллект?

— Редко, но бывает.

— А по пунктам?

— Пункт первый: обычно женщины все несчастья, связанные с подлыми мужиками, копят и складывают, берегут и лелеют. Но при

любой возможности вытаскивают на свет божий и принародно демонстрируют свои накопления.

— Согласен. Морская Свинка обожала рассказывать приятельницам про мои ужасные пороки. Заметь, её приятельницы — жены моих коллег по бизнесу. Верх тупости! На меня смотрели как на придурка: с бабой справиться не может. Пункт второй имеется?

— А как же! Дочесавшись почти до костей, я разозлилась. И решила свои беды обернуть своими достижениями — пункт второй.

— Ещё понять бы, что ты сказала... — принялся выкручивать ухо Борис. — По-прежнему увлекаешься психологией?

— Да. Наш педагогический институт превратили в университет. Открыли факультет психологии. На фоне развода я поступила на вечернее отделение.

— И преподаватели помогли тебе избавиться от чесотки?

— Перестань выкручивать уши, не нервничай. Преподаватели у нас так себе. Они хороши как погонялка перед экзаменами. Сама справилась. Приказала себе: «Заруби на носу: ты приобрела ценный опыт, продолжаешь жить, у тебя новые интересы, увлечения, и все у тебя будет отлично, потому что теперь тебя

на кривой козе не объехать». Кстати, «заруби на носу» — это конкретно. Как только подкапывало желание поплакаться на судьбу, я подходила к зеркалу и била себя по носу: «У тебя новая жизнь...» — и далее по тексту.

Борис рассмеялся.

— Что смешного? — спросила Инна.

— Представил тебя перед зеркалом, как бьёшь себя по носу и приговариваешь кодирующую установку. Нос не распухал?

— Бывало. Зато экзема прошла. Ваня, сыночек, очень тосковал без отца, всё время ждал папу. Приходилось его развлекать, отвлекать и всячески изображать, что жизнь наша прекрасна. В какой-то момент обнаружила, что мама в моё отсутствие клеймит Олега, бывшего зятя, на чём свет стоит. Прихожу домой, а Ванька мне заявляет: «Мой папа нехороший, его надо гнать поганой метлой». Мамина терминология. Пытаюсь ей объяснить, что нельзя маленького сына настраивать против отца, она упорно стоит на своём: метлой и точка. Словом, тоже конфликт, требовалось урегулировать.

— Сколько Ване?

— Скоро четыре. А твоей дочери?

— Пять лет.

— Скучаешь без неё?